

В городе Сайбэй была закусочная под названием «Чжуошацзюй», которую Хо Линьфэн посещал чаще всего. Он сказал:

— Это всего лишь заброшенный островок. Мой наставник был отшельником и странствующим рыцарем, а в начале года он ушёл из жизни. Я же отправился на юг, наслаждаясь пейзажами по пути.

Жун Лоюнь кивнул. Хо Линьфэн воспользовался моментом:

— Господин, у меня есть старший брат. Он с детства слаб здоровьем и не изучал боевые искусства, поэтому не может служить Дворцу Буфань. Но чёрную работу выполнять способен. Можно ли ему стать здесь слугой?

Произнеся это, он поднял взгляд, но Жун Лоюнь не смотрел на него. Лишь спустя некоторое время тот равнодушно ответил:

— Неважно, всего лишь ещё один рот, который нужно кормить.

— Благодарю вас, господин.

Ладонь Хо Линьфэна была обращена вверх, он слегка приподнял правую руку собеседника. Остаток марли он протянул Жун Лоюню, увидев, что тот после умывания остался с каплями воды на лице:

— Вытрите лицо.

Жун Лоюнь взял марлю, но не стал слишком заботиться о своём изысканном лице, просто быстро протёр его.

Он спокойно сидел под навесом, а Хо Линьфэн присел снаружи: один — в тени, другой — под открытым солнцем. Лёгкий вдох — и Хо Линьфэн уловил запах мыльных орехов от одежды Жун Лоюня. Он невольно вспомнил о платке, представив, как тот поднял его и спрятал за пазуху.

Жун Лоюнь спросил небрежно:

— Тебе нравятся заведения, где царит ветреная атмосфера?

Хо Линьфэн на мгновение замер. Этот холодный и отстранённый человек чуть не заставил его забыть, что Жун Лоюнь известен своей склонностью к «любовным утехам», будучи тем, кто и соблазняет, и губит. Он подумал, что для завоевания доверия нужно подыграть его интересам, и ответил:

— Больше всего люблю нежные объятия, где следы дождя и облаков переплетаются, и прекрасные девушки утешают меня в долгие ночи.

Жун Лоюнь слегка откинулся назад, словно испытывая лёгкое отвращение. Он с сарказмом подумал: «Так ты ещё и любитель утех», — и с лёгкой усмешкой продолжил:

— В Башне Чжаому ты, наверное, уже бывал. Есть ли там девушка, которая тебе приглянулась?

Хо Линьфэн изо всех сил пытался вспомнить. В тот вечер он видел множество красавиц, но как их звали? Назвать Жун Дуаньюй — могло бы показаться лестью. Он смущённо пробормотал:

— ... Моя дорогая Баоло. Я готов стать её поклонником.

Эти слова вызвали у Жун Лоюня лёгкую дрожь. В его голове возникли образы развратных сцен из публичного дома, словно в ушах раздавались шёпоты и стоны. Он махнул рукой:

— Ладно, хватит. Можешь идти.

Повернувшись, он словно забыл, что сам начал этот разговор.

После того как Хо Линьфэн ушёл, Жун Лоюнь вернулся в свою комнату, чтобы читать. Он продолжал изучать ту же сложную и запутанную книгу. Проведя за чтением несколько часов, он наконец почувствовал голод и отправился из Безымянной обители в Зал Чэньби.

В зале царил тишина. Жун Лоюнь, держа в руках коробку с молочными пирожными, подошёл к двери и увидел, что Платформа Мяоцан заполнена учениками. Все они держали оружие и тренировались под руководством старших учеников. Возможно, появление Ду Чжуна нарушило душевное равновесие других старших учеников, и теперь они соревновались между собой.

Он осмотрел площадку и заметил Хо Линьфэна с группой учеников в углу.

Хо Линьфэн прислонился к дереву, думая о том, что, командуя армией, он мог бы одним словом отдать приказ, а теперь даже место на площадке приходилось отвоёвывать. В конце концов он указал на юго-восточный угол:

— Здесь тесно. Поднимайтесь на столбы Цветущей Сливы.

Столбы Цветущей Сливы укрепляли нижнюю часть тела и считались базовым упражнением. Ученики переглянулись, неохотно подчиняясь. Хо Линьфэн, увидев это, прыгнул на один из столбов и сказал:

— Тот, кто продержится пять ударов, может не тренироваться. Кто хочет попробовать?

Один ученик встал на столб, чтобы противостоять ему, но Хо Линьфэн сбил его за два удара. Следующий повторил ту же участь. В его груди закипел гнев: в армии солдаты ежедневно тренировали базовые навыки, а эти люди из мира боевых искусств слишком высокого о себе мнения.

В Зале Чэньби Жун Лоюнь наблюдал за происходящим издали, незаметно съев все пирожные из коробки. Он пересёк порог и прошёл через ряды учеников, которые почтительно приветствовали его как господина. Он кивнул и направился к юго-восточному углу, где стояло густое дерево.

Жун Лоюнь взобрался на ствол, согнув левую ногу и слегка раскачивая правую. Он держал во рту молодой зелёный лист и продолжал наблюдать за битвой на столбах.

Хо Линьфэн стоял в центре столба:

— Все, поднимайтесь.

Один за другим ученики поднимались, но Хо Линьфэн сбивал их, используя только свои кулаки и равновесие. Ученики, как капли дождя, падали на землю, уже не смея возражать. Хо Линьфэн наконец спрыгнул:

— По два столба на человека. Стойте в стойке всадника.

Жун Лоюнь про себя заметил: «Столбов меньше, чем людей».

Хо Линьфэн приказал:

— Стройте пирамиду.

Этого было недостаточно. Он подошёл к стойке с оружием, взял бамбуковую корзину и высыпал на землю железные шипы. Ученики содрогнулись от страха, а он спокойно добавил:

— Слезайте со столбов, только когда второй господин появится.

Ученики не могли пожаловаться. Второй господин редко появлялся, и это была явная попытка их наказать.

В густой кроне дерева Жун Лоюнь оказался в затруднительном положении, не ожидая, что Хо Линьфэн использует его в качестве ставки. Помолчав, он решил остаться на месте, закрыл глаза и задремал.

Прошёл час, и Хо Линьфэн стоял рядом с учениками, не двигаясь.

Прошёл ещё час, и кто-то начал шататься. Хо Линьфэн быстро поддержал его.

Он не сдвинулся с места, сочетая суровость с тихой заботой. Ученики, стиснув зубы, становились всё более решительными. Так продолжалось до заката, когда столбы окрасились в цвет красной сливы. Он спросил:

— Сможете продержаться до захода солнца?

Ученики, с набухшими венами, кивнули.

Хо Линьфэн с удовлетворением кивнул, собрал железные шипы и отошёл к дереву, слегка прислонившись к нему. Солнце медленно опускалось, и красные лучи заката, словно сотни фениксов, пожирали небо, ослепительно яркие.

Он повернул голову, легко взобрался на дерево, чтобы укрыться от ослепительной красоты.

Но, к его удивлению, Жун Лоюнь, проснувшись от лёгкого сна, оказался прямо перед ним.

Хо Линьфэн слегка опешил, а Жун Лоюнь мгновенно пришёл в себя. Его слоистая одежда касалась рукавов Хо Линьфэна, и, опустив взгляд, он увидел его грудь, а подняв глаза — его брови. Укрыться было негде.

И именно Хо Линьфэн первым спросил:

— Господин, почему вы спите на дереве?

Жун Лоюнь нахмурился:

— Разве не ты сказал, что ученики слезут, когда я появлюсь?

Хо Линьфэн снова замер, а затем сдержанно улыбнулся и крикнул:

— На сегодня всё! Слезайте со столбов и возвращайтесь в Зал Цяньцзи!

Ученики, поддерживая друг друга, ушли. Независимо от того, кто занял чужое место или боролся за верхушку, на дереве остались только они двое. Жун Лоюнь, скрывая смущение,

холодно сказал:

— В следующий раз не используй меня в своих играх.

Он оттолкнул руку Хо Линьфэна, развернулся и, как ласточка, улетел, используя лёгкую технику.

Тепло ещё оставалось, и Хо Линьфэн некоторое время стоял в одиночестве, наблюдая, как опускаются вечерние сумерки.

После того столкновения на дереве Жун Лоюнь стал обходить это место стороной. К счастью, в последнее время было спокойно, и он редко появлялся, почти всё время проводя в Безымянной обители.

В комнате поднимались два лёгких дыма: один от благовоний, другой от кипящей воды. Окна и двери были плотно закрыты, и два дыма сливались в один, циркулируя без выхода. На столе лежала доска для игры в го, на которой были расставлены только белые камни, выстроенные в необычную схему.

Жун Лоюнь, не надев верхнюю одежду, с закатанными рукавами расставлял камни, словно делал это просто для удобства.

— Восемь врат и их соответствия... — начал он, но был прерван шагами за дверью.

Когда раздался стук, он раздражённо сказал:

— Убирайся.

Стук прекратился, и послышался жалобный голос:

— Второй брат.

Жун Лоюнь изменил тон:

— Входи.

С лёгким раздражением и долей смирения он открыл дверь, и Лу Чжунь ворвался внутрь. Он взглянул на него с ног до головы, и раздражение возросло до восьми десятых.

Лу Чжунь всегда носил роскошные одежды, украшенные золотом и драгоценностями, а его кошелёк никогда не был пустым. Но сейчас он выглядел совершенно иначе: грубая одежда, простая шапка и выражение глубокой печали на лице, как будто богатство утекло, как вода.

Он жалобно сказал:

— Второй брат, мне так плохо.

Жун Лоюнь с сочувствием посмотрел на него, но в душе понимал, что этот парень просто пытается вызвать жалость. Он взглянул на доску, наблюдая за взаимодействием звёзд и врат. Восьмой дворец, «полные закрома, готовность к любым невгодам», был очень благоприятным.

Лу Чжунь подошёл:

— Второй брат, можно ли по доске узнать моё будущее?

Жун Лоюнь серьёзно ответил:

— Если ты не будешь меня беспокоить, то всё будет хорошо. Если будешь, то жди беды.

Лу Чжунь, услышав это, погрузился в ещё большую печаль. Он уже потерял десять тысяч лян, и прошлое невозможно вернуть, как и развеянные золотые монеты. Единственное, что он умел, — это грабить, но после инцидента с Армией Сяовэй Жун Лоюнь запретил ему выходить из города.

— Второй брат, — спросил он, — у меня больше нет выхода. Позволь мне пойти грабить, хорошо?

Его голос звучал так жалобно, что любой бы растрогался, но Жун Лоюнь был не из таких. Он выдумал:

— Змея и наказание, великая беда приближается. Избегай катастроф, следуй правилам, и всё будет хорошо.

Вздохнув, он обнял Лу Чжуня:

— Третий брат, с тех пор как ты напал на Армию Сяовэй, началась череда несчастий. Если ты будешь вести себя спокойно, то избежишь их.

Лу Чжунь с тревогой молчал, а затем сказал:

— Второй брат, ты никогда не ошибаешься.

Но человек готов умереть ради богатства, и какая беда может быть хуже бедности? Он обнял Жун Лоюня и сказал:

— Второй брат, одному мне действительно трудно. Если ты пойдёшь со мной, то всё будет в порядке.

<http://bllate.org/book/16167/1449136>